

материалах рецензируемой книги и личную причастность Кл. Хуттерера к изучению проблематики, охваченной настоящим сборником, и дань уважения к своему учителю в области "островной" диалектологии. Остается только пожелать, чтобы при возможности переиздания настоящего сборника в него вошла также библиография работ В.М. Жирмунского по данной тематике, изданных на русском и других языках (см., например [5]).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Домашнев А.И. Пути развития немецкой "островной" диалектологии в СССР (К изучению немецких "островных" диалектов) // ИАН. СЛЯ. 1990. № 3.

2. Dialekt und Dialektologie. Ergebnisse des internationalen Symposiums "Zur Theorie des Dialekts", Marburg/Lahn, 5.–10. September 1977. Wiesbaden, 1980 // ZDL Beihefte: Neue Folge. № 26.
3. Жирмунский В.М. Общее и германское языкознание. Л., 1976.
4. Jermolajewa L. Einige typologische Besonderheiten der deutschen Mundarten an der Newa // Deutsche Sprache in den Ländern der ehemaligen Sowjetunion: 2. Intern. Konf. St. Petersburg, 5–10. September 1993. S. 46.
5. Виктор Максимович Жирмунский (1891–1991): Библиографический указатель. С.-Петербург, 1991.

Домашнев А.И., Ермолаева Л.С.

Verbal aspect in discourse. Contributions to the semantics of time and temporal perspective in Slavic and non-Slavic languages / Ed. by Thelin N.B. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1990. XVIII + 460 p.

Рецензируемый сборник посвящен различным аспектам функционирования видо-временных форм в тексте. В настоящее время уже очевидно, что без учета коммуникативно-дискурсивных факторов наши представления о любой грамматической категории будут неполными. Вид в этом отношении представляет собой особенно показательный пример, поскольку у него есть функции, проявляющиеся именно в связном тексте. Как известно, глагольные виды прежде всего отражают разнообразие качественные и количественные (топологические и метрические) свойства обозначаемой ситуации: статичность/динамичность, замкнутость/незамкнутость, длительность / моментальность, однократность / многократность и др. (см., например [1, 2]). Вместе с тем в связном тексте, по словам Ю.С. Маслова, "решающую роль при выборе вида играют объективные хронологические соотношения между действиями – их одновременность (параллелизм), предшествование или следование во времени" [1, с. 9]. Соотношение между этими двумя рядами функций представляет собой сложную проблему, которая может решаться различным образом.

Сборник включает обширное Введение, написанное редактором сборника, известным шведским аспектологом Н.Б. Телином, и 13 статей, распределенных по четырем главам. Исходные теоретические положения авторов сборника – лингвистов, работающих в университетах США, Канады и Западной

Европы, – и используемые ими методы анализа существенно различаются. Исследования основаны на материале русского, английского, болгарского, французского, литовского и финского языков; привлекаются также данные и из других языков: древнегреческого, эстонского, чешского, шведского и др.

Введение, занимающее почти пятую часть книги (с. 3–88), фактически представляет собой изложение целостной дискурсивно-ориентированной аспектологической концепции, с когнитивно-психологическое обоснование и программу дальнейших исследований. Отдельные элементы этой концепции известны по русским переводам статей Н.Б. Телина [3, 4]. Круг затрагиваемых во Введении вопросов очень широк. Назову лишь наиболее важные из них: 1) глагольные виды и семантические классы глаголов; 2) интерпретация отдельных видовых значений, в частности, процессуального значения английского прогрессива (длительных форм) и русского несовершенного вида, настоящего репортажного и др.; 3) многозначность видовых форм; 4) вид в интерактивных, хабитуальных и генерических высказываниях; 5) отношение видов к противопоставлениям тема/рема, новое/данное, топик/комментарий; 6) роль вида в формировании различия между повествованием (narratio) и описанием (descriptio) и между действиями первого плана (foreground), составляющими последовательные этапы повествования, цепь сменяющих друг друга со-

бытий, и действиями второго плана (background), образующими фон, на котором разворачивается повествование; 7) взаимодействие вида и отрицания; 6) различные виды связности текста и роль вида в ее обеспечении; 8) функции перфекта в повествовательном и диалогическом дискурсе.

В основе развиваемой концепции лежит понятие "ситуационной (темпоральной) перспективы" дискурса, которая устанавливается на базе трех взаимодействующих факторов.

(1) Ингерентные физические свойства действия (event), отражающие особенности его соотношения с временной осью, в рамках которых различаются фазовые и нефазовые действия ($\pm$ phasals). Нефазовые действия (*знать, любить, принадлежать* и др.), соответствующие "состояниям" в известной классификации З. Вендлера, не предполагают развития во времени, т.е. смены последовательных временных фаз, а кроме того, отличаются от "фазовых" действий отсутствием связи с конкретными моментами времени. В отечественной аспектологии, где такие предикаты были объектом углубленного изучения, их называют некватифицируемыми [5, 6].

(2) Собственно аспектуальные признаки " $\pm$ целостность", или " $\pm$ тотальность" (" $\pm$ totality и $\pm$ время" (" $\pm$ time). Первый из них соответствует широко распространенному определению значения совершенного вида как обозначающего действие в его неделимой целостности с тем, однако, отличием, что под отсутствием целостности подразумевается положительный признак "парциальность" (частичная реализация), который в свою очередь, рассматривается в качестве содержательной основы процессуальности. На связь между процессуальностью и частичной реализованностью действия указывали Э. Кошмидер и Г. Гийом, а в последнее время — А.В. Бондарко [7]. Для второго признака, " $\pm$ время", используется также название "временная определенность/неопределенность". Временная определенность свойственна действиям, соотношенным с конкретным моментом или периодом времени, причем, по мнению Н.Б. Телина, только к таким действиям приложимо противопоставление "целостность/частичность". Временная определенность предполагает ту или иную степень абстрагированности от конкретной временной привязки, что может иметь место в следующих случаях: 1) при констатации самого факта действия, выражаемой, в частности, формами несовершенного вида в общефактическом значении; 2) при обозначении повторяющихся действий; 3) в генерических высказываниях о свойствах классов предме-

тов; 4) в конструкциях, осложненных модальными значениями потенциальности, ирреальности и др.; 5) в отдельных разновидностях отрицательных конструкций; 6) в гномических высказываниях, передающих "вечные истины", и др. Временной неопределенностью характеризуются в целом и нефазовые действия (за исключением особых типов употребления). Таким образом, временная неопределенность охватывает широкий круг явлений, распределяемых в [6] между неопределенной локализованностью, недискретной локализованностью и собственно нелокализованностью во времени.

(3) "Ситуационные состояния", отражающие темпорально-каузальные отношения между действиями, из которых иерархически высшим является наличие либо отсутствие "изменения состояния" ($\pm$ change-of-state). Положительное значение этого признака наблюдается при обозначении последовательно сменяющихся друг друга действий, что свойственно прежде всего глагольным формам, наделенным признаком " $\pm$ целостность", поскольку предполагаемая этим признаком двусторонняя ограниченность действия делает возможным передать динамику повествования. Отсутствие "изменения состояния", т.е. фон, на котором происходят события, передается формами, характеризующимися либо нецелостностью, либо временной неопределенностью (в последнем случае в рассматриваемой концепции противопоставление по признаку "целостность/частичность" не устанавливается). В русском языке эти функции в целом распределены между совершенным и несовершенным видами, в силу чего и сами видовые значения нередко определяются на основе таких признаков, как "изменение", "смена ситуаций", "возникновение новой ситуации" и под. (см. обсуждение этих вопросов в [8–10]). Видимо, имея в виду эту точку зрения, автор специально обращает внимание на то, что глаголы совершенного вида могут обозначать и фоновые действия (ср.: *Он поднимет и не такой груз*), а глаголы несовершенного вида при определенных условиях могут обозначать и очередной этап в разворачивании повествования (см. об этом в [11]).

В первую главу сборника включены три статьи, посвященные вопросам развития видовременных систем. Она открывается статьей Н.Б. Телина "О понятии времени" (с. 9–129), в которой рассматриваются диахронические аспекты проблем, затронутых во Введении. В статье дается обзор философских воззрений на сущность времени (от Аристотеля и Блаженного Августина до Кассирера и Хай-

дггера) и предлагается реконструкция начальных этапов формирования времени и вида с "когнитивно-прагматической" точки зрения. В соответствии с ней, общим источником обеих этих категорий явилось приобретение способности представлять действие как целое. Следствием этого стало появление не только противопоставления "целостность / частичность", первоначально пред-видового (pre-aspectual), но и первоначально пред-временного (pre-temps) противопоставления "прошедшее/настоящее", поскольку целостный взгляд на действие несовместим с настоящим актуальным. Формирование же иерархически более высокого противопоставления "± время" (временная определенность/неопределенность) отнесено к более поздним периодам в силу его большой абстрактности по сравнению с противопоставлением "± целостность" (с. 109). Таким образом, автор отходит от высказывавшейся им ранее точки зрения [12, 3], согласно которой виды развились в ходе переосмысления противопоставления "определенность/неопределенность". В приложении к статье анализируются способы выражения временной неопределенности в древних и современных индоевропейских языках.

В статье К. Холдена "Функциональная эволюция вида в русском языке" (с. 131–158) история категории вида, включая возникновение и утрату противопоставления аорист / имперфект, рассматривается как частный случай грамматикализации деривационных различий. В духе "функционально-типологического" направления в морфологии (см. о нем [13]) формирование грамматических категорий и происходящие с ними изменения связываются с метафорическим расширением (extension) употребления морфологических показателей на "новые, но семантически связанные контексты" (с. 132), что неизбежно приводит к частичному изменению их функций. В результате грамматические категории обычно оказываются многозначными, полифункциональными и не имеющими четких границ (fuzzy-edged). Применительно к категории вида грамматикализация представляет собой "движение в сторону возрастающей абстрагированности от лексических значений к более импрессионистическим дискурсивным сферам, не связанным с простым обозначением явлений действительности", что объясняется "естественной когнитивной тенденцией рассматривать действительность с различных точек зрения" (с. 151). Что же касается приложения этих принципов к русскому виду, то автор в целом следует ходу рассуждений, аргументации и решениям, принятым В.В. Бородич в

[14]: предполагается раннее обобщение суффикса сигматического аориста и превращение его в признак прошедшего времени; вокалические компоненты показателей имперфекта выводятся из суффиксов стальных и неопределенных глаголов, предпосылкой возникновения совершенного и несовершенного видов считается возможность образования форм аориста и имперфекта от одних и тех же основ (и определенных, и неопределенных) и др.

Л. Во в своей статье "Дискурсивные функции видео-временных форм во французском языке: динамическая синхрония" (с. 159–187) исходит из того, что язык находится в постоянном движении: "в каждый данный момент он содержит как результаты происшедших изменений, так и зародыши будущих" (с. 159). Это свойство языка, которое она, используя выражение Р.О. Якобсона, называет "динамической синхронией", иллюстрируется на примере соотношения форм простого и сложного прошедшего времени в современном французском языке. Обе эти формы имеют аористическое значение, но первая из них в разговорной речи не употребляется. Поэтому в письменном тексте выбор одной из этих форм определяется типом высказывания: сложное прошедшее используется в диалогах и авторских комментариях, а простое прошедшее – в повествовании. Такое употребление, характерное для классической художественной литературы и отраженное, в частности, в известной статье Э. Бенвениста [15], Л. Во называет "классическим". Вместе с тем она отмечает, что в газетных и журнальных публикациях нередко встречается и другой – "авангардный" – тип употребления форм прошедшего времени. В этом случае эти формы уже не сигнализируют переход от повествования к диалогу и обратно, а используются для выделения главного события в тексте, противопоставления причины и следствия, общего утверждения и примера, основной части статьи и вывода из нее и т.д.

Вторую главу сборника составляют статьи, посвященные анализу семантики, прагматики и дискурсивных функций видео-временных форм в различных языках. Статья Б.М. Гаспарова «О "метафизике" русского вида» (с. 192–212) представляет собой дальнейшее развитие высказанной им ранее идеи о сходстве функций предложений с глаголами несовершенного и совершенного вида в связном тексте с соотношением темы и ремы в актуальном членении предложения: первые вводят исходный материал, отправную точку сообщения, тогда как вторые обычно содержат ключевые моменты сообщения, ради которых и был построен данный текст [16].

Теперь эта проблема ставится в более общем плане. Совершенный и несовершенный виды рассматриваются как альтернативные способы восприятия и представления действительности. Используя совершенный вид, говорящий "отделяет себя от непосредственного участия в ситуации (отсюда невозможность употребления совершенного вида в настоящем времени) и смотрит на нее со стороны" (с. 194). Прибегая же к несовершенному виду, говорящий "помещает себя в само течение описываемого процесса" (с. 195), становясь не посторонним наблюдателем, а как бы его участником (co-experience). Таким образом, употребление совершенного вида предполагает интерпретацию действительности как состоящей из дискретных, четко отделенных друг от друга событий. Напротив, выбор несовершенного вида соответствует представлению о действительности как о недискретном потоке, в котором границы между событиями размываются и теряются.

Проблема выявления факторов, влияющих на разграничение "основной линии повествования" и "фона", рассматривается в статье К. Чвани «Глагольный вид, дискурсивная выделенность и так называемый "результативный перфект" в современном русском языке» (с. 213–235). В качестве возможного способа объективной оценки степени относительной коммуникативной важности предикативных единиц в тексте предлагается многофакторная "шкала выделенности" (saliency). Эта шкала включает 10 параметров, каждый из которых может принимать от двух до пяти значений, отражающих степень индивидуализированности основных актантов и способы их обозначения, синтаксические особенности и модальные характеристики предикативных единиц, аспектуальный тип ситуации (зависящий, в частности, от вида глагола), диалогический либо нарративный режим повествования и др. Использование такой шкалы, по мнению исследовательницы, позволяет учесть дискурсивную неоднозначность видовых форм: "продвигающую" роль так называемого "драматического настоящего" несовершенного вида (ср.: *Пришла и видит*) и, напротив, фоновую функцию совершенного вида в результативно-перфектном значении.

В статье Ж.-П. Декле и З. Генсвой "Дискурсивный анализ аориста и имперфекта в болгарском и французском языках" (с. 237–262) предлагаются универсальные толкования значений аориста и имперфекта и демонстрируется их приложимость к соответствующим видо-временным формам рассматриваемых языков (для французского в качестве примера аориста избрано простое прошедшее). Для

этого используется "базовая трихотомия". Состояние – процесс – событие (event). Состояния характеризуются идентичностью фаз и отсутствием начальной и конечной точек (правой и левой границы); процессы, представляющие собой переход от одного состояния к другому, всегда имеют начальную точку, но могут не иметь конечной; событие определяется как ограниченное с обеих сторон единое целое (с. 240–244). Имперфект определяется как форма, обозначающая состояние, продолжающийся процесс или открытый класс событий, а инвариантным значением аориста считается обозначение события, что совпадает с широко распространенным определением значения совершенного вида как обозначающего "ограниченное пределом целостное действие" (см., например [10, с. 9]). Авторы, однако, считают общим значением совершенного вида выражение достигнутого результата (achèvement) и подчеркивают несовпадение оппозиций аорист/имперфект и перфективность/имперфективность.

Заключают вторую, центральную, главу сборника три работы, посвященные функционированию видов в русском языке. Г. Филдер в статье "Нарративный контекст и русский вид" (с. 263–284) анализирует видовую пару глаголов *просить/попросить*, относящихся к глаголам "непосредственного, непрерывного эффекта" [11, с. 62] и – независимо от вида глагола – обозначающих действие, достигшее результата. Основываясь на примерах употребления этих глаголов в художественной литературе и ответах информантов, автор выявляет условия, способствующие употреблению глагола несовершенного вида для выражения единичного акта просьбы в прошлом: отсутствие точной локализации во времени, незаконченность акта коммуникации (неполучение положительной либо отрицательной реакции на просьбу), формальный характер просьбы. В статье П. Чалут "Темпоральные и семантические факторы, влияющие на выбор вида в вопросительных предложениях в русском языке" (с. 285–306) обсуждается широкий круг проблем, связанных с общесемантическим значением, выражаемым глаголами несовершенного вида в альтернативных вопросах. Конкретная интерпретация значения глагола рассматривается в статье как результат взаимодействия собственно видового значения, лексико-семантических свойств глагола, ситуационной темпоральной перспективы высказывания (отражающей единичность/повторяемость действия, сохранения/несохранения его результатов и др.) и пресуппозиций говорящего

(с. 285). В целом выбор несовершенного вида вместо совершенного в таких высказываниях связывается со сдвигом фокуса внимания с результата действия на процесс его протекания. Из этого вытекает основное лексическое ограничение на способность глагола выражать общефактическое значение: действие либо должно иметь предшествующую процессуальную фазу, либо быть воспроизводимым во времени. В статье подробно анализируются разновидности употреблений глаголов несовершенного вида в общефактическом значении и отмечается многообразие мотивов его использования. Так, предложение *Ты убирал комнату?* может служить для выражения неуверенности в том, что это действие вообще имело место (если комната осталась грязной), указания на заинтересованность не самим действием, а различными сопутствующими обстоятельствами (*Не нашел ли ты заодно мои очки?*), выяснения того, сохраняется ли необходимость в выполнении этого действия, и др. Отмечается, что набор возможных интерпретаций при обозначении единичного действия и регулярно воспроизводимого (такого, как еда, покупка газет, уборка) не одинаков. Рассматриваются семантические соотношения каждой из выделенных разновидностей общефактического значения со значениями выражаемыми в сходных условиях соответствующими формами совершенного вида. Примечательно, что во многом близкий подход к этой проблеме реализован в [17]. П. Меррилл в статье "Русский вид в вопросительных предложениях: информация и инвариант в дискурсе" (с. 307–321) рассматривает соотношение видов в свете общих принципов речевого общения. Автор исходит из представления о беспризнаковости несовершенного вида и, вслед за Дж. Форсайтом, считает наиболее общей его функцией "простое называние действия" (*simple denotation*). Совершенный же вид, помимо этого, выражает и достигнутость действием предела. Задавая вопрос, говорящий предварительно решает, интересуют ли его само действие или его успешное завершение и полученные результаты, и – в соответствии с коммуникативным принципом, согласно которому высказывание должно содержать не больше и не меньше информации, чем требуется, – избирает в первом случае несовершенный вид, а во втором – совершенный. Этим, по мнению П. Меррилла, объясняется неоднократно отмечавшееся наличие у совершенного вида в вопросительных предложениях дополнительного семантического компонента-предположения о том, что

действие должно было совершиться, предполагалось или ожидалось.

В третью главу включены две статьи, посвященные участию падежа в выражении аспектуальных различий. В статье А. Тимберлейка "Аспектуальные функции падежа предикативного существительного в литовском языке" (с. 325–347) анализируется явление, характерное и для русского языка. В обоих языках существительное в составе сказуемого может выступать и в именительном, и в творительном падеже (ср.: *Он был титулярный советник/был титулярным советником*), причем, как отмечал А.М. Пешковский [18], именительный падеж в таких случаях выражает "постоянное тождество", а творительный – "временное тождество". А. Тимберлейк использует для описания этого различия противопоставления "дескриптивность/рестриктивность", где под "рестриктивностью" понимается как реальная, так и потенциальная ограниченность признака во времени. Падежное оформление существительного рассматривается как результат сложного взаимодействия значения существительного, лексического и грамматического значений глагола, семантических связей между предложениями. На каждом из этих уровней действуют факторы, способствующие либо "дескриптивному", либо "рестриктивному" представлению признака, которые иногда могут противоречить друг другу, что приводит к особым семантическим эффектам.

Х. Томмола в статье «О финском "виде" в тексте» (с. 349–364) сопоставляет соотношение между аккузативом и партитивом как падежами прямого дополнения в финском языке с русским глагольным видом. Партитив (восходящий, как и индоевропейский генитив, к аблативу) предполагает неполный охват объекта действием и употребляется, в частности, при выражении процессуального значения, где в русском языке используется несовершенный вид. Прямое дополнение в аккузативе возможно в утвердительных предложениях с "перфективным" значением, если денотат прямого дополнения рассматривается как целое, причем он должен быть референциально и количественно определенным (с. 353), что в общем характерно и для совершенного вида. Вместе с тем аккузатив может соответствовать и несовершенному виду, если он выступает в общефактическом или многократном значении, а партитив – при наличии отрицания или неопределенности объекта – совершенному виду. Кроме того, глаголы речи, мысли, чувства, отношения сочетаются либо только с аккузативом, либо

только с генитивом, не допуская выбора падежа объекта. Отмечаются и другие расхождения между финским падежом и русским видом.

Четвертая глава включает две статьи, в которых анализируются функции вида в художественном тексте. В статье А. ван Холка "Вид в глубинной структуре текста" (с. 367–382) предлагается описание структуры поэмы А.С. Пушкина "Медный всадник" путем представления линии повествования в виде сложным образом взаимосвязанных "элементарных конструкций", имеющих семанто-синтаксический характер.

П. Енсен в статье "Повествовательное описание или описательное повествование: проблемы аспектуальности у Чехова" (с. 383–409) рассматривает функции видов в нескольких рассказах Чехова, написанных в разное время. Автор связывает употребление совершенного вида с объективным "историческим" уровнем разграничения и соотношения событий, тогда как несовершенный вид отражает субъективное представление о жизни как о непосредственно воспринимаемой длительности (с. 401), что напоминает взгляды на общую функцию видов, высказанные Б.М. Гаспаровым в этом же сборнике. Изменения в принципах использования вида у Чехова связываются с изменениями в его мировоззрении.

Рецензируемый сборник демонстрирует многообразие подходов к сущности видовой противопоставления и возможность различного понимания их функций в тексте. Вместе с тем, прочитав этот сборник, можно сделать вывод – без учета текстовых функций дальнейшее изучение вида невозможно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маслов Ю.С. К основаниям сопоставительной аспектологии // Вопросы сопоставительной аспектологии. Л., 1978.

2. Тимберлейк А. Инвариантность и синтаксические свойства вида в русском языке // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XV. М., 1985.
3. Телин Н.Б. Вид и способ действия в русском языке // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XV. М., 1985.
4. Телин Н.Б. О системном статусе перфектного значения в русском языке // Язык: система и функционирование. М., 1988.
5. Булыгина Т.Б. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М., 1980.
6. Козинцева Н.А. Временная локализованность действия и ее связи с аспектуальными, модальными и таксисными значениями. Л., 1991.
7. Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983.
8. Townsend Ch.E. Can aspect stand prosperity? / Ed. by Flier W. Timberlake A. The scope of Slavic aspect. Columbus, Ohio, 1985.
9. Падучева Е.В. Опыт исчисления частных видовых значений (К семантике несовершенного вида в русском языке) // Типология и грамматика. М., 1990.
10. Бондарко А.В. О значениях видов русского глагола // ВЯ. 1990. № 4.
11. Маслов Ю.С. Очерки по аспектологии. Л., 1984.
12. Thelin N.B. Towards a theory of aspect, tense and actionality in Slavic. Uppsala, 1978.
13. Николаева Т.М. Коммуникативно-дискурсивный подход и интерпретация языковой эволюции // ВЯ. 1984. № 3.
14. Бородич В.В. К вопросу о формировании совершенного и несовершенного вида в славянских языках // ВЯ. 1953. № 6.
15. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974. С. 270–284.
16. Гаспаров Б.М. О некоторых особенностях функционирования видовых форм в повествовательном тексте // Вопросы русской аспектологии. Вып. 4. Тарту, 1979. С. 119–120.
17. Падучева Е.В. Результативные значения несовершенного вида в русском языке: общефактическое и акциональное // ВЯ. 1993. № 1.
18. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956. С. 234–235.

Князев Ю.П.

Климов Г.А. Основы лингвистической компаративистики. М.: Наука, 1990. 108 с.

Общие принципы, методы и приемы сравнительно-исторических исследований (компаративистики) разрабатывались за протяжении почти двухсот лет в первую очередь на материале индоевропейских языков (в меньшей мере – на материале финно-угорских, еще в меньшей – семито-хамитских). Уже в первой половине прошлого века опыт индоевропейцев пытались с большим

или меньшим успехом использовать исследователи других языковых семей (тюркской, монгольской, тунгусо-маньчжурской, сино-тибетской, малайско-полинезийской, дравидской, банту и др.). Сложно и противоречиво было становление кавказской компаративистики. С самого появления компаративистики она противопоставлялась сопоставительной-типологическому языковедению, и только